

(Cod. J. I, 2, 13). Такой законъ могъ появиться, потому что первоначально римское право не признавало, что церковь имѣетъ пассивное наследственное право (*testamenti factio passiva*), т. е. право быть упомянутымъ въ завѣщаніи.

Не смотря на нѣкоторыя несовершенства, книга С. В. Троицкаго все же цѣнное пріобрѣтеніе для науки. Это первое у насъ обстоятельное изслѣдованіе о діакониссахъ, пополняющее значительный пробѣлъ ученой литературы.

II. Безобразовъ.

Г. М. Барацъ. Критико-сравнительный анализъ договоровъ Руси съ Византіей. Возстановленіе текста, переводъ, комментарий и сравненіе съ другими правовыми памятниками, въ частности — съ Русскою Правдою. Кіевъ, 1910. 265 стр. in 8°.

Въ настоящее время, когда споры о подложности договоровъ Руси съ греками давно уже преданы забвенію, и никто болѣе не сомнѣвается въ подлинности этихъ первыхъ по времени юридическихъ памятниковъ нашей древности, изслѣдованіе ихъ все же сопряжено съ величайшими затрудненіями. Затрудненія эти проистекають изъ несомнѣнной испорченности дошедшаго до насъ лѣтописнаго текста договоровъ, приводящей къ крайней неясности цѣлаго ряда содержащихся въ нихъ постановленій. Неясность вызываетъ большія противорѣчія въ толкованіи многихъ договорныхъ статей различными изслѣдователями. Она же заставляеть иныхъ наиболѣе осторожныхъ изслѣдователей (В. И. Сергѣевича) совершенно отказываться отъ толкованія нѣкоторыхъ статей договоровъ. Такъ какъ въ настоящее время нельзя болѣе ожидать „лучшихъ и древнѣйшихъ списковъ“, на что могъ надѣяться Шлецеръ, то приходится мириться съ искаженіями и неясностью текста, какъ съ печальнымъ, но непоправимымъ фактомъ, который обязываетъ изслѣдователей къ крайней сдержанности въ дѣлѣ выведенія изъ договоровъ разнаго рода историко-юридическихъ заключеній.

Съ указаннымъ фактомъ не желаетъ мириться новѣйшій изслѣдователь договоровъ — Г. М. Барацъ. Онъ полагаетъ, что разъ дошелъ до насъ текстъ искаженный, то необходимо возстановить подлинный первоначальный текстъ, и беретъ на себя дѣло этого возстановленія. Осуществляетъ же свою задачу авторъ „пріемами филологической, преимущественно конъектуральной (дивинаторной) критики“ изслѣдуемыхъ памятниковъ „въ связи съ юридико-сравнительнымъ ихъ изученіемъ“ (с. VI).

Дивинаторная критика древнихъ текстовъ допустима, и результаты ея могутъ быть плодотворными. Не подлежитъ однако сомнѣнію, что успѣхъ и самый смыслъ подобной критики зависитъ всецѣло отъ строгости ея пріемовъ.

Примѣнительно къ договорамъ Руси съ греками дѣло идетъ не о конъектуральномъ восполненіи лакувъ, а о дивинаторномъ возстановленіи первоначальнаго текста по дошедшему тексту искаженному. Для этой цѣли необходимо установить причину искаженія и выяснить, такъ сказать, путь, по которому искаженіе вошло въ текстъ; тогда только, пройдя тотъ же путь въ обратномъ направленіи, можно съ значительной долей вѣроятности добраться до первоначальнаго текста и яснаго смысла. Первымъ и необходимымъ условіемъ является такимъ образомъ правильная разгадка причины искаженія. Разгадка эта будетъ правильной, если она основывается на достовѣрныхъ данныхъ относительно составленія текста, почерпнутыхъ изъ другого источника, или выведенныхъ строго логически изъ самаго содержанія критикуемаго текста. Нечего и говорить о томъ, что у изслѣдователя договоровъ Руси съ греками нѣтъ въ распоряженіи никакихъ другихъ источниковъ, кромѣ самаго ихъ текста. Спрашивается поэтому, какіе же выводы изъ содержанія текста договоровъ дѣлаеть г. Барацъ относительно причины и путей его искаженія.

На этотъ вопросъ г. Барацъ отвѣчаетъ нижеслѣдующимъ пространымъ разсужденіемъ: „Въ каждой изъ трактуемыхъ грамотъ не найдется почти ни одного предложенія, которое не было бы осложнено излишними, совершенно чуждыми его содержанію, словами и фразами, занесенными въ него изъ другихъ мѣстъ не только данной грамоты, но и изъ остальныхъ грамотъ, или же наоборотъ, не замѣчалось бы отсутствіе нужныхъ, по смыслу, словъ и выраженій, которыя, послѣ тщательныхъ розысковъ, можно найти спрятанными въ другомъ мѣстѣ одной изъ грамотъ, а иногда даже въ одномъ изъ лѣтописныхъ извѣстій о событіяхъ княженій Олега, Игоря и Святослава. Произошла же, можно думать, эта путаница, между прочимъ, оттого, что составитель одного изъ предшествовавшихъ Повѣсти временныхъ лѣтъ бытописательныхъ сводовъ имѣлъ подъ руками подлинныя черновики грамотъ, испещренные помарками, поправками и выносками и, по ветхости, разорванные на мельчайшіе клочки, изъ коихъ нѣкоторые совсѣмъ утратились, а въ оставшихся иныя слова были вырваны или неразборчивы. Эти-то клочки, перемѣшанные и перепутанные, сводчикъ и списалъ въ свой сборникъ и затѣмъ, раздобывъ, быть можетъ, обрывки другихъ копій грамотъ, вносилъ по нимъ на поляхъ рукописи или между столбцами страницъ, на коихъ изложены грамоты, а иногда даже въ пробѣлахъ одного изъ послѣдующихъ за ними или предшествующихъ имъ листовъ сборника, различныя поправки и дополненія, отмѣчавъ выносными знаками, къ какимъ мѣстамъ договоровъ они относятся. При дальнѣйшихъ же перепискахъ на эти знаки не обращали вниманія или же они со временемъ стерлись, почему поправки, стоявшія на поляхъ, напр., въ концѣ страницы, попадали въ текстъ ближайшей договорной статьи, хотя онѣ, въ дѣйствительности, относи-

лись къ статьѣ, помѣщенной въ самомъ началѣ страницы, или даже черезъ нѣсколько страницъ впереди или назади“ (с. VII—VIII).

Предположивъ такой путь искаженія, авторъ для восстановленія текста идетъ аналогичнымъ путемъ въ обратномъ направленіи, — разставляетъ фразы и слова по надлежащимъ, какъ ему представляется, мѣстамъ, продѣлывая работу, „сходную съ т. н. въ типографскомъ дѣлѣ переборкою строкъ и переверсткою полосъ“ (с. VIII).

Не можетъ быть, думается намъ, двухъ мнѣній о томъ, что предположеніе г. Бараца о путяхъ искаженія текста договоровъ является ни на чемъ не основаннымъ и совершенно голословнымъ. Мы имѣемъ здѣсь дѣло съ фантазіей автора, не болѣе, но одной лишь силы воображенія не достаточно и для дивинаторной критики.

Совершенно напрасно пытается г. Барацъ (с. 2—4) связать свое произвольное предположеніе съ тѣмъ приѣмомъ, помощью котораго въ свое время Ламбинъ обнаружилъ „сшивки“ въ разсказѣ лѣтописи о походѣ Олега на Царьградъ. Ламбинъ отправлялся отъ анализа содержанія разсказа, путемъ котораго ему удалось установить механическое соединеніе въ немъ двухъ источниковъ. Основываясь на этомъ, Ламбинъ расшилъ, такъ сказать, разсказъ и восстановилъ двѣ первоначальныя его версіи. Ничего подобнаго мы не находимъ у г. Бараца. Онъ не выводитъ своего предположенія изъ анализа содержанія текста, но строить его совершенно произвольно. Въ пользу предположенія можно привести развѣ то лишь соображеніе, что такъ могло быть. „Но вѣдь изъ того, что все это могло быть, отнюдь нельзя заключить, что оно дѣйствительно такъ и было“, какъ справедливо замѣчаетъ самъ г. Барацъ, полемизируя съ другими (с. 18). Правильнѣе однако думать, что такъ и не могло быть. Если-бы дошедшій до насъ текстъ договоровъ былъ дѣйствительно составленъ по рецепту, продиктованному пылкимъ воображеніемъ г. Бараца, въ немъ очевидно не оказалось бы никакого смысла, и онъ на самомъ дѣлѣ былъ бы „тарабарской грамотой“, какъ неосторожно называетъ его г. Барацъ (с. VIII). Всѣмъ однако извѣстно, что дѣло не обстоитъ столь плохо: текстъ договоровъ не ясенъ, искаженъ, но не бессмысленъ.

Допустимъ однако, что дѣло было такъ, какъ предполагаетъ г. Барацъ, и извлечемъ изъ его предположенія соотвѣтственныя указанія для изслѣдователя. Согласно предположенію г. Бараца причина искаженія текста была совершенно случайная, механическая, и путь этого искаженія не оставилъ въ текстѣ никакихъ слѣдовъ, по которымъ можно было бы искаженіе устранить. Отсюда съ очевидностью слѣдуетъ, что нѣтъ никакой возможности восстановить первоначальный текстъ. Но г. Барацъ этого вывода не дѣлаетъ, и смѣло принимается за „переборку“ строкъ и словъ.

Конечно „перебирать“ строки и слова можно и при извѣстномъ дарованіи въ этомъ отношеніи можно составить изъ отовсюду набран-

ныхъ строкъ и словъ нѣкоторый текстъ, который будетъ даже отличаться „замѣчательною ясностью, точностью и выразительностью языка и высокимъ внутреннимъ достоинствомъ содержанія“ (с. VIII). Пусть все это такъ, но спрашивается, какое значеніе для историка имѣетъ подобный текстъ, полученный въ результатъ „цѣлаго ряда хирургическихкихъ операций“ (с. 56), произведенныхъ надъ памятникомъ? — Никакого, особенно въ виду того, что г. Барацъ занимается пластической хирургіей, которая не устраняетъ новообразованій, но сама создаетъ ихъ.

Плодомъ дивинаторной критики г. Бараца является „полный исправленный текстъ договорныхъ грамотъ, клятвенныхъ формулъ и относящихся къ заключенію и утвержденію договоровъ лѣтописныхъ рассказовъ“ (с. 227 слѣд.). Въ этомъ „исправленномъ текстѣ“ поражаетъ читателя явная несообразность, состоящая въ томъ, что и лѣтописные рассказы, и вводныя, и заключительныя части грамотъ говорить о трехъ договорахъ — Олега, Игоря и Святослава (с. 227—228, 244, 231—232), между тѣмъ для самыхъ договорныхъ статей („а о главахъ“) установленъ лишь одинъ текстъ (с. 233—244). Текстъ этотъ, раздѣленный на 37 статей, снабженныхъ особыми заголовками, совмѣщаетъ въ себѣ все содержаніе двухъ основныхъ договоровъ — 911-го и 945-го годовъ, или точнѣе, всѣ ихъ фразы и слова, переверстанныя г. Барацемъ и разставленныя по своимъ, какъ онъ думаетъ, мѣстамъ.

Всѣ переверстки, переборки и разстановки сдѣланы по вдохновенію дивинатора. Въ основѣ ихъ нѣтъ руководящаго начала, которое было бы выведено изъ анализа самаго памятника и предпослано постановительной работѣ. Почему авторъ составилъ одинъ сводный текстъ для всѣхъ договоровъ, совершенно не понятно. Несомнѣнно однако, что именно этотъ текстъ г. Барацъ считаетъ „оригиналомъ мирнаго трактата“ (с. 128). Не будемъ вступать съ авторомъ въ пререканія по этому поводу. Помиримся на томъ, что самъ авторъ называетъ свой текстъ не возстановленнымъ, но „исправленнымъ“. Конечно никому не возбраняется исправлять историческіе документы, но подобной работы отнюдь нельзя назвать критикой текста въ научномъ значеніи этого слова.

Исправляя текстъ, г. Барацъ стремится къ тому, чтобы всякая статья имѣла ясный смыслъ. Въ качествѣ критерія исторической достовѣрности этого смысла г. Барацъ выдвигаетъ сравнительно-историческое, или какъ онъ самъ выражается, „юридико-сравнительное изученіе“. Говоря иначе, г. Барацъ стремится къ тому, чтобы „исправленные“ имъ договорныя статьи соответствовали устанавливаемой сравнительно-историческимъ путемъ стадіи правового развитія изучаемой эпохи. Мало того, г. Барацъ строитъ свои статьи по аналогіи съ другими памятниками той же стадіи развитія и заимствуетъ изъ нихъ отдѣльныя слова и выраженія для восполненія предполагаемыхъ имъ въ исправляемомъ текстѣ лакувъ. Подобное пользованіе сравнитель-

но-историческимъ методомъ можетъ въ лучшемъ случаѣ сообщить дивинаціи г. Бараца извѣстную степень приближенія къ правовому стилю эпохи, но оно отнюдь не обезпечиваетъ достовѣрности возстановленнаго будто бы „оригинала мирнаго трактата“.

Особо слѣдуетъ отмѣтить, что въ основу сравнительно-исторического изученія договоровъ г. Бараць полагаетъ заимствованіе ихъ формы и содержанія изъ моисеево-талмудическаго права. Навязываніе такого заимствованія всѣмъ юридическимъ памятникамъ нашей древности — излюбленный конекъ г. Бараца. И Русскую Правду, и Псковскую Судную Грамоту, и даже уставъ в. кн. Всеволода о церковныхъ судахъ выводитъ г. Бараць изъ еврейскаго права. „Къ этому положенію“, говоритъ самъ г. Бараць, „въ русскихъ ученыхъ кругахъ относятся съ недоувѣріемъ и неудовольствіемъ“ (IX). Такое отношеніе, по видимому, удивляетъ г. Бараца, но по существу дѣла въ немъ нѣтъ ничего удивительнаго. Всякое недоказанное предположеніе должно встрѣчать со стороны ученыхъ недоувѣріе, а частое и голословное повтореніе подобнаго предположенія можетъ вызвать и неудовольствіе. И новѣйшее увѣреніе г. Бараца относительно заимствованій изъ еврейскаго права въ договорахъ русскихъ съ Византіей врядъ ли можетъ разсчитывать на иной приѣмъ. Достаточнаго обоснованія такого заимствованія авторъ не даетъ, приводимыя же имъ доказательства весьма шатки.

Доказательства г. Бараца сводятся къ тремъ основнымъ положеніямъ: 1) русскіе лѣтописцы нерѣдко пользовались арамейскими парафразами ветхозавѣтныхъ книгъ и сборниками агадическихъ толкованій на эти книги, 2) въ числѣ посланныхъ для заключенія договоровъ русскихъ пословъ и гостей было нѣсколько іудео-хазарь и евреевъ, 3) сами договоры ссылаются на „Божіе законоданіе“, подъ которымъ, какъ и подъ *lex Dei*, обыкновенно разумѣется законъ Моисеевъ (с. X и 22). Первое положеніе, если-бы даже признать его безусловно вѣрнымъ, можетъ служить лишь обстоятельствомъ, наводящимъ на мысль о заимствованіи, но отнюдь не прямымъ доказательствомъ заимствованія правового содержанія договоровъ изъ еврейскихъ источниковъ. За вторымъ положеніемъ не признаетъ рѣшающаго значенія самъ авторъ: предположеніе о принадлежности нѣкоторыхъ пословъ и гостей къ іудео-хазарамъ и евреямъ основано исключительно на устанавливаемомъ г. Барацемъ чтеніи ихъ именъ (Истръ Аминодовъ, Гуды), между тѣмъ самъ г. Бараць откровенно заявляетъ, что его „посильныя догадки, направленные къ установкѣ правильнаго чтенія этихъ именъ, все же не болѣе, какъ догадки“, и въ силу этого въ своемъ „исправленномъ“ текстѣ договоровъ опускаетъ весь вообще перечень именъ пословъ и гостей (с. X, XI, 60—62, 232—233). Наконецъ, прямая ссылка договоровъ на „Божіе законоданіе“ болѣе чѣмъ сомнительна по той простой причинѣ, что ея нѣтъ въ договорахъ, и найти ее можно только

въ 10-й статьѣ „исправленнаго“ текста „оригинала мирнаго трактата“ (с. 236). Создать упомянутую статью было не легко: для этого г. Бараццъ пришлось „собрать всѣ ея разрозненныя составныя части, запрятанныя въ разныхъ уголкахъ договоровъ Олега и Игоря“ и „сложить во-едино эти отрывки“ (с. 110—111). При этомъ интересующее насъ „Божіе законоданіе“ получилось путемъ „дивинаторнаго“ истолкованія г. Барацемъ „загадочныхъ словъ“ ст. 15-ой (по тексту Христоматіи М. Ф. Владимірскаго-Буданова) Олегова договора 911 г., — „яко Божіе зданіе по закону и по покону“ (с. 110, прим. 1-ое и с. 116).

Увлечшись исправленіемъ текста договоровъ, г. Бараццъ простираетъ приемы свѣей дивинаціи и на Русскую Правду и по своему „возстановляетъ“ текстъ тѣхъ ея статей, которыя признаетъ параллельными „Договорной Правдѣ“ (с. 193—226). Послѣ ознакомленія съ приемами дивинаторной критики текста договоровъ мы считаемъ излишнимъ останавливаться на разсмотрѣніи тѣхъ операций, путемъ которыхъ г. Бараццъ подводитъ Русскую Правду подъ общій съ исправленной имъ „Договорной Правдой“ ранжиръ.

Мысль о полной зависимости древне-русской письменности отъ еврейской не оставляетъ г. Бараца. Онъ обѣщаетъ подарить намъ въ ближайшемъ будущемъ изслѣдованіе объ еврейскомъ происхожденіи лѣтописной легенды о призваніи варяговъ.

Ө. Тарановскій.

Denkmäler der griechischen Volkssprache, für sprachwissenschaftliche Übungen und Vorlesungen herausgegeben von Dr. phil. J. Compernass. Heft 1. Bonn 1911. 69 S. 8°.

И. Компернасъ имѣетъ въ виду составлять рядъ литературныхъ памятниковъ, папирусныхъ текстовъ и надписей, представляющихъ собою пригодный матеріалъ для первоначальнаго ознакомленія студентовъ-филологовъ съ простонароднымъ среднегреческимъ языкомъ. Нельзя не привѣтствовать такого предпріятія съ большимъ сочувствіемъ, такъ какъ издаваемый сборникъ несомнѣнно можетъ служить хорошимъ пособіемъ для всѣхъ, приступающихъ къ историческому изученію греческаго просторѣчія.

Первый выпускъ этого сборника содержитъ въ себѣ слѣдующіе шесть текстовъ, изъ которыхъ первый здѣсь впервые выходитъ въ свѣтъ, остальные же пять уже прежде были изданы разными учеными.

1) Посланіе къ дамасскому эмиру, написанное по порученію императора Романа (стран. 1—9). Авторъ этой статьи, которую Компернасъ издалъ по замѣчательной рукописи 302/441 Московской Синодальной Библіотеки, не обозначенъ въ заглавіи, но такъ какъ она въ московской рукописи помѣщена среди сочиненій и писемъ знаменитаго Ареѣы, архіепископа кесарійскаго,